

ИЗДАТЕЛИ
ВСЕГО МИРА
РЕКОМЕНДУЮТ

*ДЖЕССИ
БЁРТОН*

МИНИАТЮРИСТ

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б52

Jessie Burton

THE MINIATURIST

Copyright © 2013 by Jessie Burton

Фото автора © Lynn Hilton / REX Shutterstock / Fotodom.ru

Школа перевода
В. Бананова

Перевод с английского

Надежды Казанцевой, Аллы Юшенковой

Серия «Издатели всего мира рекомендуют»

Оформление *Андрея Старикова*

Дизайн и иллюстрация *Марины Дорошенко*

Серия «Rocket Book»

Оформление *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Кукольный домик Петронеллы Ортман», 1710 г.
художника *Якоба Аннеля* (1680—1751)

Бёртон, Джесси.

Б52 Миниатюрист / Джесси Бёртон ; [пер. с англ. Н. Казанцевой, А. Юшенковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-699-90434-1 (PB)

ISBN 978-5-699-90374-0 (ИБМР)

Автор переносит нас в Амстердам XVII века, в дом очень состоятельного купца Йоханнеса Брандта. Сюда приезжает Нелла Ортман, которую сосватали за Брандта. Она почти незнакома с будущим мужем, но готова стать ему хорошей женой.

Она чувствует, что Йоханнес — не такой, как все. Он умный, образованный, независимый, и это ее притягивает.

Нелла молода, полна надежд и очень плохо знает жизнь. Но судьба позаботится о том, чтобы она недолго пребывала в счастливом неведении. Ей предстоит узнать, как жестоки люди к тем, кто от них отличается, и осознать, что нет ничего страшнее, чем знание того, что будет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Copyright © 2013 by Peebo & Pilgrim Ltd

© Казанцева Н., Юшенкова А.,
перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90434-1
ISBN 978-5-699-90374-0

*Посвящается Линде,
Эдварду и Пипу*

Кукольный дом Петронеллы Ортман,
Государственный музей в Амстердаме.
© Rijksmuseum, Amsterdam

Термин ВОК относится к основанной в 1602 году Голландской Ост-Индской компании (на нидерландском языке *Vereenigde Oost-Indische Compagnie*, сокращенно *VOC*). ВОК располагала сотнями кораблей и торговала с Европой, Африкой, Азией и Индонезией.

В 1669 году она управлялась советом из семнадцати директоров, насчитывала пятьдесят тысяч сотрудников и шестьдесят партнеров. К 1671-му акции ВОК на амстердамской бирже выросли по сравнению с номинальной стоимостью почти в шесть раз.

Благодаря финансовой мощи Объединенных Провинций Нидерландов и мягкому климату этой страны, ее бедняки ели сытнее, чем простой люд Англии, Италии, Франции или Испании. А богатые питались лучше всех.

Расхищайте серебро, расхищайте золото: нет конца запасам всякой драгоценной утвари.

Книга пророка Наума, 2:9

И когда выходил Он из храма, говорит
Ему один из учеников Его:

Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!

Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания?

Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

Евангелие от Марка, 13:1—2

*(Приводимые в книге отрывки
были особо помечены
в семейной Библии Брандтов)*

*Старая церковь, Амстердам.
Вторник, 14 января 1687 года*

Похороны предполагались немногочисленные, ибо покойная не имела друзей. Но в Амстердаме слова как вода, мутной струйкой они просачиваются в уши, и потому в восточном приделе храма сегодня тесно. Она украдкой наблюдает из хора, как члены гильдий с женами стекаются к зияющей могиле, точно муравьи к меду. Вскоре к ним добавляются клерки ВОК, капитаны кораблей, кондитеры... И он, все в той же широкополой шляпе. Она силится его пожалеть. В отличие от ненависти, жалость можно запереть в сундучок и убрать с глаз долой.

Расписной потолок — зеркало души этого города и единственное, что не уничтожили иконоборцы, — высится над ними, словно перевернутый корпус величественного корабля. Старинное дерево украшают изображения Христа с мечом и лилией, Девы Марии на полумесяце и бороздящего морские просторы парусника с грузом золота. Поднимая откидное сиденье, она пробегает пальцами по фигурной полочке, на которую дозволено опираться молящимся. На ней вырезан человек с искаженным болью лицом, испражняющийся монетами.

На церемонии присутствуют и мертвые. Надгробные плиты под ногами скорбящих прячут горы тел, кости и прах. Там внизу женские челюсти, крестец кушца, пустая грудная клетка тучного вельможи. Есть и крохотные тельца, не больше буханки хлеба. Сгустившаяся печаль. Отводя глаза, люди сторонятся маленьких надгробий.

В центре толпы женщина видит то, за чем пришла: возле могилы, почти не замечая пришедших поглазеть горожан, стоит обессиленная девушка с печатью горя на челе. Появляются носильщики с гробом, который покоится у них на плечах, словно футляр для лютни. Судя по лицам, некоторые из них не одобряют происходящего. Разумеется, не обошлось без Пелликорна и его ядовитых речей.

Обычно в подобных процессиях соблюдается строгая иерархия: сначала бургомистры, затем простолюдины, — но сегодня протоколом пренебрегли. Она же считает, что еще ни в одном из домов Божьих в стенах этого города таких похорон не было. Ей нравится редкое бесстрашие покойной. Амстердам строился на риске, а теперь жаждет стабильной, размеренной жизни и охраняет комфорт богатства тупой покорностью. Почему я не уехала раньше? Смерть подошла слишком близко.

Носильщики вклиниваются в толпу собравшихся и без всяких церемоний опускают гроб. Девушка подходит к краю и бросает в темноту букетик. Хлопая крыльями, вдоль беленой стены взмывает к крыше скворец. Головы оборачивают-

ся на него посмотреть, но девушка даже не вздрагивает. Как и женщина в хоре. Под монотонную погребальную молитву Пелликорна обе они провозжают взглядом лепестки.

Когда новую плиту задвигают на место, у исчезающего черного отверстия с рыданиями падает на колени служанка. Ее обессиленная госпожа не пресекает этот поток слез, и столь явное пренебрежение достоинством и порядком встречают в толпе неодобрительными возгласами. Недалеко от хора перешептываются две дамы в шелках.

— С таких вот манер все и начинается!

— Если это на людях, то дома они ведут себя как дикие животные.

— Верно. Хотя чего бы только я ни дала, чтобы побыть мухой на их стене! Ж-ж-ж, ж-ж-ж...

Они сдержанно хихикают, а женщина в хоре замечает, как побелела ее рука на резной полочке.

Церковные плиты опущены, пряча мертвых, и собравшиеся расходятся. Девушка, точно выпавшая из витража святая, наконец замечает незваных лицемеров, которые, переговариваясь, выходят на лабиринт городских улиц. Молча, рука об руку со служанкой, она следует за ними. Мужчины вернутся к столам и конторкам, ибо Амстердам держится на плаву неустанным трудом. Как гласит поговорка, усердие нас вознесло, а леность потопит. В последнее время кажется, что вода подступила слишком близко.

Как только церковь пустеет, женщина выходит из укрытия. Она спешит, не желая обнаружить свое присутствие. «Все может измениться», —

эхом плывет ее шепот. Отыскав новую гранитную плиту, женщина видит, что работа сделана наспех: высеченные на нем слова — в каменной крошке.

Она опускается на колени и достает из кармана умещающийся на ладони миниатюрный домик. Это ее собственная молитва. Девять комнат и пять человеческих фигурок. Мастерство работы потрясает, оно вне времени. Женщина аккуратно ставит подарок на могилу той, кому он всегда предназначался, и благословляет каменную плиту сомкнутыми пальцами.

Отворяя дверь церкви, она невольно ищет глазами широкополую шляпу, плащ Пелликорна, дам в шелках. Никого... Если бы не крики скворца за спиной, могло бы показаться, что она одна-одиношенька во всем мире. Пора уходить, однако она на мгновение придерживает птице дверь. Чувствуя обращенное на него внимание, скворец упархивает за кафедру.

Женщина закрывает за собой прохладное нутро церкви, подставляя лицо солнцу, и направляется сквозь дуги каналов к морю. Скворушка, если церковь, по-твоему, — безопасный уголок, то не мне тебя спасать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Середина октября 1686 года.
Канал Херенграхт, Амстердам*

Не прельщайся лакомыми
яствами его; это — обманчивая
пища.

*Книга притчей
Соломоновых 23:3*

ВНУТРЬ

На пороге мужниного дома Нелла Ортман робко стучит дверным молотком в виде дельфина, стесняясь производимого ею шума. Никто не открывает, хотя ее ждут. О времени приезда условились заранее, были отправлены письма — на тоненькой бумаге ее матери и дорогим пергаменте Брандтов. Да, прием не лучший, с учетом мимо-летней свадебной церемонии месяц назад, — ни гирлянд, ни обручальной чаши, ни брачного ложа. Нелла ставит на ступеньки небольшую сумку и клетку с птицей. Для домашних эту встречу придется приукрасить — потом, когда она окажется наверху, за столом в своей комнате.

С противоположного берега канала долетает смех лодочника. Нелла оборачивается. Тщедушный слепой парнишка налетел на торговку рыбой, и полумертвая сельдь скользит по ее широкому подолу. От резкого окрика деревенской бабы у Нел-

лы мороз идет по коже. «Идиот! Идиот!» Мальчик бесстрашно шарит в грязи проворными пальцами, словно потерял драгоценность. Наконец хватает рыбину и с гиканьем бежит прочь, выставив перед собой свободную руку.

Нелла внутренне поздравляет его и, пока еще можно, радуется редкому октябрьскому теплу. Эту часть Херенграхт прозвали Золотой излучиной, однако сегодня ее просторы окрашены в скучные бурые тона. Дома, нависшие над грязно-зеленым каналом, являют собой необыкновенное зрелище. Любуясь на собственные симметричные отражения, они величественны и прекрасны, словно драгоценные камни в короне городской гордости. Природа изо всех сил старается не отставать, славя блистательную Республику облаками цвета шафрана и абрикоса.

Нелла снова поворачивается к двери, которая теперь слегка приоткрыта. Так и было? Трудно сказать. Она толкает ее, заглядывая в пустоту. От мраморного пола тянет холодом.

— Йоханнес Брандт! — зовет она громко и слегка испуганно.

Это шутка? Так можно простоять здесь до января!.. Пибо, ее попугайчик, задевает крыльями прутья клетки и слабо попискивает. Даже канал за спиной затаил дыхание.

Вглядываясь в темень, Нелла уверена только в одном: за ней наблюдают. Смелее, Нелла Элизабет, говорит она себе, переступая порог. Как поведет себя новоиспеченный муж: обнимет? поцелует? или пожмет руку, словно речь идет о сделке?

На свадьбе, где присутствовала лишь ее немногочисленная родня, он ничего этого не сделал.

Желая показать, что и провинция не чужда хороших манер, Нелла наклоняется и снимает туфли, элегантные, кожаные, разумеется, ее парадные — хотя теперь непонятно, зачем было их надевать. Мать сказала: «Достоинство». От него столько неудобств. Она со стуком ставит туфли на пол, надеясь шумом кого-нибудь привлечь. Или, быть может, отпугнуть. Мать говорит, что она фантазерка, витает в облаках. Безжизненные туфли уныло стоят на полу, и Нелла чувствует себя преглупо.

Снаружи перекликаются женщины. Нелла оборачивается, но успевает заметить только одну: высокая, золотоволосая, без чепца, она широким шагом удаляется вслед за уходящим солнцем. Ее собственная прическа по дороге из Ассенделфта растрепалась, пряди разошлись под легким ветерком и щекочут лицо. Поправив их, она еще больше выдаст волнение, и Нелла оставляет все как есть.

— У нас будет зверинец? — доносятся из темноты передней быстрые решительные слова.

Нелла вздрагивает. Ее предположение подтвердилось, что, однако, не мешает бежать мурашкам по спине. Из тьмы выплывает человеческая фигура. Рука вытянута — в знак протеста или приветствия, сказать сложно. Женщина. Прямая и стройная, в черном как ночь платье и белоснежном, безусловно отутюженном крахмальном чепце, из-под которого не выбивается ни одна прядь. Серые глаза, суровая линия рта и неожиданный